6. Полное собрание законов Российской империи. Спб.,1830. Вып. 1. Т. 31. № 24480.

7. Пузанов В. Казаки в войне 1812 г. // 1812 год. № 9–10.

Actions of the corps of ataman M. Platov in June-July of the 1812

There are characterized the actions of the flying corps of ataman M. Platov in the first period of the war. On the basis of the sources there is proved that the actions of the ataman corresponded to the orders of the military command and the operational situation.

Key words: *army ataman, the Don regiments, irregular forces, advance guard, rearguard, the Cossack corps.*

200-летию
Отечественной войны 1812 г.
посвящается

Е.Г. ТИМОФЕЕВА
(Астрахань)

ИНОСТРАНЦЫ ПОД НАДЗОРОМ ПОЛИЦИИ В АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ в 1812 – 1814 гг.

Описывается положение иностранцев в российской провинции в 1812 – 1814 гг., рассматриваются правительственная политика, проводимая в этой сфере в период войны с наполеоновской Францией, отношение общества к иностранцам, находившимся под надзором полиции, в том числе военнопленным.

Ключевые слова: *Отечественная война 1812 г., Астраханская губерния, Астрахань, иностранцы под надзором полиции, военнопленные наполеоновской армии.*

Астраханская губерния в начале XIX в. занимала обширную территорию Прикаспийской низменности. Губернский город Астрахань был крупным административным, экономическим центром, с населением более 30 тыс. чел. Ежегодный торговый оборот города оценивался в 3,5 млн руб. Сюда стекались товары из Персии, Хивы, Бухары, здесь звучала разноязычная речь, бурлила коммерческая жизнь.

В полиэтничном пространстве Астрахани издавна были заметны «колонии» живших здесь иностранцев и нерусских подданных Российской империи. В пограничном городе, да еще в условиях военного времени, за иностранцами-европейцами приглядывали особенно внимательно. «Секретные наблюдения» вели и за кочевавшими поблизости киргизкайсаками (казахами) Букеевской орды, «усугубили» и «меру надзора» за калмыками.

Условия военного времени заставили губернских властей усилить меры по сохранению порядка, обеспечению «тишины и спокойствия». Отдаленность Астрахани от театра военных действий, неопределенность информации, стремительное продвижение наполеоновской армии в глубь страны, оккупация русской земли вселяли в граждан страх, способствовали распространению (особенно со стороны «черни») тревожных слухов, которые могли иметь «заключение самое невыгодное для России». Чтобы не было паники, слухи пресекали, направляя «мысли и волю» жителей на общее благо. Астраханскому полицмейстеру Смагину предписывалось осуществлять «неусыпный» надзор за проживавшими и приезжавшими в город иностранцами, а городничим уездных городов Черного Яра, Енотаевска, Красного Яра – рапортовать о ситуации на местах, особенно в отношении подозрительных иностранцев, которых, впрочем, там не оказалось. Командиру Астраханского казачьего полка генерал-майору П.С. Попову следовало откомандировать в ведомство городской полиции 10 конных и 15 пеших казаков при двух благонадежных офицерах для совершения ночного объезда по городу. Астраханские казаки исправно несли кордонную службу, обеспечивали порядок в городе, позже сопровождали партии военнопленных до мест назначения [1].

По всей России к иностранцам приглядывались внимательно, а после распоряжения главнокомандующего в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинова (от 5 июля 1812 г.) приступили к их «разбору» на предмет лояльности и благонадежности. Всех подозрительных личностей высылали в назначенные города внутренних губерний. Астраханская губерния была одной из 15, где таких иностранцев должны были оставлять безвыездно. Напрасно Астраханский губернатор писал в Министерство полиции о нежелательности отправки сюда иностранцев: «…сей город наполнен разных наций азиатскими народами», имеющими «свои наклонности, разномнения и выгоды свои» [1. Д. 334. Л. 265 об.].

© Тимофеева Е.Г., 2012

Уже в начале июля 1812 г. Рязанский губернатор сообщил о высылке в Астрахань француза И. Бурдиата, занимавшегося обучением детей географии, арифметике, мифологии, рисованию, за вызвавший «сомнение» образ мыслей. Он прибыл в губернский центр вместе с женой 14 августа, ему было на тот момент 60 лет. В сентябре 1812 г. из Тамбова были присланы Франц Жиле и Михаил Шнур («за противозаконные и вредные для России разглошения»). Шнур вскоре умер. Жиле, которому был 51 год, до ссылки также занимался обучением детей языкам в российских городах.

В октябре 1812 г. доставили из Рязани («по сумнительству») Иосифа Жоли – губернского секретаря, находившегося на российской службе. В свои 76 лет он учительствовал в гимназии и являлся смотрителем уездного училища [2]. В ноябре 1812 г. из Тамбова прибыли еще 4 иностранца: Иван Дотти («за дурное поведение», 40 лет, часовых дел мастер), Вильгельм Пер («за дурное поведение», 26 лет, обучал детей языкам), Вениамин Руф («по неизвестности о его состоянии», 34 года, золотых и серебряных дел мастер), Ян Гак («за дурное поведение», 51 год, из отставных почтальонов Симбирской почтовой конторы) (Там же. Л. 92, 108 – 113). Из восьми ссыльных иностранцев четверо были французами, остальные – итальянец, баварец, поляк, еврей. Они относились к числу тех людей, которые вызвали подозрение («сомнение» в благонадежности) у местных начальников и были высланы в Астрахань в рекордно короткие для обстоятельного разбирательства по их делу сроки. Таковы были требования военного времени.

Всех иностранцев отправили на жительство в Красный Яр «под караул». Например, Бурдиата из Астрахани доставили к месту пребывания два казака в сопровождении дворянского заседателя Зимбелевского. Интересно, что из Рязани в Астрахань Бурдиат с женой следовали под присмотром рядового рязанского гарнизонного батальона Антона Васильева, который, не получив прогонных денег, «содержался» в дороге за счет препровождаемого им иностранца (Там же. Л. 16–20).

Предстояло решать насущные проблемы: на чьем «иждивении» содержать ссыльного, от кого требовать необходимые суммы, из каких доходов нанимать караул (унтер-офицера и 5 рядовых), дозволять ли ему прогулки по городу и др. Красноярский городничий Лукьянченков выдал Бурдиату сумму из расчета 30 коп. в день (2 руб. 10 коп.). По прибытии Жоли им стали платить по 10 коп. в день. Вскоре в Красный Яр доставили всех иностранцев. Им не только выплачивали деньги на пропитание, но и обеспечивали дровами, выделяли квартиры для проживания. Этот опыт пригодился затем для размещения в Астраханской губернии военнопленных наполеоновской армии (Там же. Л. 136 об. – 137, 146 – 148).

8 декабря 1812 г. в Красный Яр по предложению губернатора приехал с инспекторской проверкой надворный советник Петлин. По его заключению пять иностранцев из семи могли «трудами своими» обеспечить себе пропитание. Однако в малонаселенном уездном городе найти работу, да еще находясь под надзором полиции, было трудно, почти невозможно (Там же. Л. 134 – 134 об.).

По поручению С.С. Андреевского городничий собрал сведения об иностранцах: кто умел читать/писать и «на каком диалекте», каким мастерством или ремеслом владел. К февралю 1813 г. составили именной список ссыльных. В марте того же года губернатор предложил тем, кто здоров и имел знание ремесла, приехать в Астрахань, где можно было «легко необходимое содержание для себя приобрести посредством своих знаний». У Астраханского полицмейстера не вызвало сомнений, что Руф и Дотти найдут в Астрахани достойное пропитание, «коль в мастерстве своем искусны». Пер и Жиле – только в том случае, если пожелают наняться в «простую работу» (Там же. Л. 135, 154 об., 171).

Перед переводом иностранцев в губернский город «секретно» опрашивали местных жителей «об их поведении», особенно хозяев домов, где квартировали ссыльные. В «хмельном виде», например, Бурдиата никогда не видели, поведения он был доброго, как, впрочем, и другие. Становилось очевидно, что высылали этих людей в спешке, без должного разбирательства.

В апреле 1813 г. было решено «за надлежащим присмотром» отправить на жительство в Астрахань Дотти, Пера, Руфа и Жиле. Они могли работать и содержать себя «без всякого пособия со стороны правительства». Трех пожилых людей оставили в Красном Яру и платили им с 1 марта 1813 г. по 25 коп. в день (Там же. Л. 177 – 178 об.).

Стряпчий Змиев, отвечавший за военнопленных наполеоновской армии, докладывал губернатору, что никто из прибывших в Астрахань 20 апреля 1813 г. не нашел «места жительства», а потому их разместили в казармах вместе с пленными. Однако уже через неделю «квартирный вопрос» иностранцы решили. Руф снимал жилье в доме мещанки Лукерьи Трифоновой, Дотти – в доме «инвалид-

ного солдата» Михайлы Варфоломеева на Косе, остальные – в доме Зайберга. В сентябре 1814 г., когда в Астрахань перебрались все иностранцы, ситуация изменилась. По докладу губернатору полицмейстера, Жоли проживал у господина вице-губернатора Коростовцева, Дотти квартировал в доме офицера Бергетта. Руф, «упражнявшийся» в поденной работе, постоянного пристанища не имел. Пер жил в доме прокурора Кузнецова, Жиле – в доме католички Татьяны Кандиновой, Бурдиат – в гостином дворе господина Варвация, известного астраханского коммерсанта и благотворителя [2. Л. 198 – 199 об.].

30 апреля 1814 г. по Всемилостивейшему манифесту даровали «прощение и освобождение» всем сосланным под надзор местного начальства. Астраханские ссыльные не сразу покинули город. Летом 1814 г. Гак был отправлен в «другую губернию». По рапорту астраханского полицмейстера Каменского губернатору Андреевскому 18 января 1816 г., Дотти, Бурдиат, Пер уехали в Саратов, Жиле – в Тамбов. Неизвестна судьба Жоли. Руф сначала хотел остаться в Астрахани, потом изъявил желание уехать во Владимирскую губернию, затем просил губернатора помочь в отправке его в Житомир, объясняя задержки с отъездом «скудостью» своего состояния. Все это время он жил в Астрахани «трудами своими», а в основном – подаяниями. В апреле 1817 г. он получил билет для проезда в Житомир. Андреевский известил Волынского губернатора об отправке Руфа, сообщив, что тот «не сделал никакого преступления» и просил дать знать, когда иностранец прибудет на место (Там же. Л. 208 – 221).

Было очевидно, что высланные в Астраханскую губернию под надзор полиции иностранцы не представляли никакой угрозы спокойствию общества, не «совращали» российских верноподданных «с пути порядка». Это прекрасно понимал астраханский губернатор, изыскивавший средства для их содержания, принимавший личное участие в судьбе некоторых ссыльных преклонного возраста, выступавший поручителем для иностранцев, проживавших в Астрахани.

В период войны с наполеоновской Францией правительство потребовало от местных властей скорого сбора «подробнейших и верных» сведений об иностранцах-европейцах, находившихся в Астраханской губернии. В Министерство полиции отправляли списки тех, кто занимал должности «по коронной службе», и тех, кто находился в пределах губернии. В первом списке значилось 11 фамилий, во втором – 29 иностранцев, живших в Астрахани. Все чиновники получили положительные характеристики с мест службы (от Астраханского губернского правления, Экспедиции тюленьих и рыбных промыслов, Астраханской полиции, Астраханского уездного суда). Немцы, греки, поляки, евреи, находившиеся на службе в том или ином ведомстве, были «добропорядочны», «поведения хорошего» и должности свои (квартального надзирателя, коллежского регистратора, столоначальника или губернского заседателя) исправляли с надлежащим усердием и добросовестностью (Там же. Д. 25093. Л. 10 – 15). Ничего подозрительного не нашли в деятельности городничего Черного Яра Иосифа Исаевича Усовского – титулярного советника, «из польских шляхтичей», находившегося на российской службе с 1788 г. [1. Д. 166. Л. 36 об.].

Астраханский губернатор С.С. Андреевский просил полицейских чиновников произвести сбор требуемых сведений (фамилии, имени, отчества, национальности, состояния, жилища, времени нахождения в России) «без лишней огласки», «излишнего для кого-либо беспокойства». Однако, чтобы получить вердикт о благонадежности, требовалось давать письменные объяснения. Так, квартальный надзиратель Федор Яковлевич Шрейдер, родившийся в Астрахани, принявший «греко-российскую веру», будучи российским подданным и состоявший в штабе полиции, давал такие объяснения полицмейстеру Смагину 10 августа 1812 г. [1. Д. 166. Л. 37; 2. Д. 25093. Л. 12 – 13].

Восемнадцатилетний копеист Астраханской казенной палаты Агапит Герман, находившийся на службе с марта 1811 г., предоставил соответствующие свидетельства, что родился в Астрахани, что его отец – отставной поручик Иосиф Герман. Не замеченный «ни в каких предосудительных поступках», в августе 1812 г. юноша вместе со своим братом Гаврилой записался в ратники Московского ополчения и отправился на военную службу [1. Д. 863. Л. 5 – 7; Д. 166. Л. 5 об. – 6].

Из 29 иностранцев, находившихся летом 1812 г. в Астрахани, 8 человек были признаны неблагонадежными. Двое – немец А. Эйних, учитель французского и немецкого языков, и поляк, музыкант И. Дмитриев – по причине недавнего пребывания в губернском центре. Никто не решился быть ответственным за их благонадежность. Титулярный советник пруссак Х. Россо, находившийся в России с 1786 г. сначала в «военной службе», затем – приставом при Бертюльских соляных магазинах, был

удален от должности «за разные беспорядки». Всех неблагонадежных иностранцев предписывалось удалить в одну из губерний России [1. Д. 166. Л. 8, 25, 29, 51 об. – 52]. Французу врачу Антону де Пенгону, работавшему в России с 1792 г., служившему в Седлистинском карантине и находившемуся к моменту «разбора» иностранцев по судом, изменили место ссылки, отправив на жительство в уездный город Красный Яр (Там же. Д. 166. Л. 8, 50 об. – 51). Настороженно отнеслись власти и к четырем священнослужителям-католикам. Не заметив ничего подозрительного в их поведении, отметили, что «по духу враждующих нам наций они неблагонадежны» (Там же. Л. 14 об.).

Другие иностранцы (аптекари, учителя, купцы, ремесленники и др). после тщательно проведенной проверки могли оставаться в Астрахани. Среди них – известный итальянец, бывший астраханский губернский архитектор Александр Дигби, много сделавший для благоустройства города, француз М.А. Гапри, служивший поваром у титулярного советника Змиева, «водочный мастер» поляк К. Конопан, портной саксонец И. Кунс, учитель астраханской мужской гимназии И. Вейскгопфен, австрийский подданный Тушель и др. (Там же. Л. 15 – 15 об., 12 об., 19, 52).

Заметим, что в апреле 1813 г. в Астрахани с благотворительной целью намечался подъем большого воздушного шара иностранцем Тушелем «в пользу московских жителей от вторжения неприятеля разоренных». Объявление о «воздухоплавательном представлении» было напечатано в «Восточных известиях» – одной из первых провинциальных газет в России, созданной инициативой учителя мужской гимназии г. Астрахани И.А. Вейскгопфена в 1813 г. Читатели знакомились с темами по географии, торговле, общественной жизни города, еженедельными метеорологическими наблюдениями и др. В прошении губернатору издатель просил предоставить ему сведения о проживавших и отъезжавших из Астрахани людях, о «жизненных припасах» города, о движении судов по Волге для «удовлетворения любознательной публики». Губернатор согласился такую информацию предоставлять, дав соответствующие распоряжения астраханской полиции (Там же. Д. 1048. Л. 1 – 2). Об иностранце-тирольце Вейскгопфене, находившемся в России с 1806 г., также собрали информацию. Он был охарактеризован как человек рачительный, скромный в поведении и оставлен в Астрахани. Это означало, что губернатор Андреевский выражал совершенную уверенность в его благонадежности и являлся, по сути, его поручителем (Там же. Д. 166. Л. 65; 2. Д. 25093. Л. 6). Газета имела несомненный успех, ее выписывали не только в Астрахани, но и в Москве, Казани, Пензе. С 1816 г. она стала двуязычной (печаталась на русском и армянском языках), выходила еженедельно до момента смерти ее издателя в 1816 г.

В соответствии с циркулярным предписанием Министерства полиции от 29 августа 1812 г. за подписью главнокомандующего в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинова Астраханская губерния наряду с Пермской, Оренбургской, Саратовской и Вятской назначалась местом пребывания военнопленных наполеоновской армии (Там же. Д. 334. Л. 2).

Первая партия военнопленных прибыла в Астрахань 19 ноября 1812 г. и состояла из одного штаб-, 15 обер-офицеров и 261 солдата (12 человек, оставленные «за болезнью» в Царицыне, прибыли в январе 1813 г.). Это были поляки, французы, пруссаки, саксонцы, голландцы, итальянцы, немцы. Их разместили в городских казармах (Там же. Л. 41, 112, 134 об., 160; Д. 1569. Л. 139).

В декабре 1812 г. прибыла вторая партия пленных: 2 генерала (Ж. Пельтье, Т. Тышкевич), 3 штаб- и 2 обер-офицера (Там же. Д. 334. Л. 252). Город не мог вместить всех военнопленных, поскольку здесь размещался Астраханский гарнизонный полк, были расквартированы офицеры и матросы флотских экипажей Каспийской флотилии. Было принято решение о содержании их в уездных городах: Черном Яру, Енотаевске, Красном Яру (Там же. Л. 265 об., 234–236).

Третья партия военнопленных прибыла в Астрахань в январе 1813 г. (243 человека) (Там же. Д. 1569. Л. 234 – 236). Астрахань стала транзитным пунктом для отправки пленных поляков на Кавказ. Весной–летом 1813 г. в Георгиевск отправили 28 обер-офицеров и 720 рядовых [5].

Астраханское общество пытливо вглядывалось в черты поверженного врага («чужого») в период пребывания военнопленных французской армии в губернии (1812 – 1814 гг.), проявляя терпимое, человеколюбивое к ним отношение. Повседневная жизнь в губернском и уездных городах помогали познавать друг друга, обмениваться опытом, культурными ценностями. Все те же «Восточные известия» свидетельствовали, что пленные были «весьма довольны» приемом, устроенным им астраханцами. Наши соотечественники отличались нравом незлобным, добрым [4].

Военнопленные привлекались к строительству и ремонту каналов, валов, мостов, им разрешалось наниматься в услужение к част-

ным лицам за плату, ходить в гости к обывателям, писать письма, играть свадьбы. К чести губернской власти, пленным вовремя выплачивали жалованье, их снабжали теплой одеждой и обувью, оказывали медицинскую помощь, привлекая для этого и «лекарей» из числа самих пленных.

Дополнительной проблемой для местных властей стала достойная экипировка освобождавшихся из плена людей. Одеть прилично иностранцев было делом государственной важности: речь шла о возвращении из «миротворной» России, блиставшей в лучах славы державы-победительницы, а потому астраханские купцы поставляли добротное сукно, а местные портные усердно шили одежду для военнопленных, возвращавшихся домой. Некоторые из иностранцев приняли решение стать российскими подданными, остаться в Астрахани [3]. Город наполнялся социальным опытом «других», бережно сохранял традиции и был готов к восприятию новых культурных практик.

Литература

1. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 336. Л. 5 об., 11–12 об., 27 – 29.
2. ГААО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 25328. Л. 1, 46 об., 50, 54, 57, 66.
3. Тимофеева Е.Г. Военнопленные Великой армии в Астраханской губернии в 1812–1814 гг. : новая тема интерпретации в региональной историографии // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. №2(31). С. 11 – 15.
4. Тимофеева Е.Г. Участие астраханцев в защите Отечества.1812 год // Природа и история Астраханского края. Астрахань, 1996. С. 226 – 227.
5. Хомченко С.Н. Военнопленные поляки в Астраханской губернии в 1812 – 1815 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы : материалы XIII Всерос. науч. конф. М., 2006. С. 306 – 313.

Foreigners under the surveillance of the police in the Astrakhan province in the 1812 – 1814

There is covered the status of foreigners in the Russian province, considered the government policy carried out in this sphere in the period of the war with the Napoleonic France, attitude of the society to the foreigners who were under the surveillance of the police including the prisoners of the war.

Key words: *Patriotic War of the 1812, the Astrakhan province, Astrakhan, foreigners under the surveillance of the police, war prisoners of the Napoleonic Army.*

К 215-летию
учреждения Дубовской посадской ратуши

С.Л. ПЕРЕЧИЦКАЯ
(Волгоград)

АДМИНИСТРАТИВНО-СУДЕБНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ДУБОВСКОГО ПОСАДА В 1797 – 1799 гг.

На примере Дубовского посада показан один из вариантов проведения административно-социальных реформ 1775 – 1785 гг. С опорой на архивные документы раскрыты роль государства и местного купечества в образовании посада, факторы, затянувшие этот процесс. Хронологически обоснован этап административно-судебного оформления посада, выделены признаки, характеризующие его завершение.

Ключевые слова: *административные преобразования, посад, ратуша, словесный суд, почта, купечество, Волго-Донская переволока.*

Результативность проводимых в Российской империи социально-административных реформ 1775 – 1785 гг. во многом определялась точностью поставленных правительством целей и пониманием региональных особенностей [4; 8]. Специфические черты имело и преобразование Дубовского посада, растянувшееся в силу ряда причин на долгих 15 лет.

Так, ранее на основе анализа архивных материалов Дубовской посадской ратуши за 1797 – 1798 гг. и Царицынского городового магистрата за 1784 – 1798 гг. было установлено, что образование посада проходило в три этапа: первый (1785 – 1791 гг.) – номинальный, связанный с переименованием селения в посад, второй (1792 – 1796 гг.) – социальный, характеризуемый формированием городских податных сословий посада, третий (1797 – 1798 гг.) – административно-судебного оформления [5]. Однако, как показали документы Государственного архива Волгоградской области (ГАВО), некоторого уточнения требуют хронологические рамки третьего этапа. В связи с этим целью данной статьи стало обоснование временных границ процесса проведения административно-судебного оформления Дубовского посада.

Главную роль в социально-административных преобразованиях на Волго-Донской переволоке играло государство. Именно оно опреде-

© Перечицкая С.Л., 2012